

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет географии и геоэкологии
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Географический факультет
Белорусский государственный университет
Географический факультет

Теория и практика географической конфликтологии

*Сборник статей по материалам международных
семинаров молодых ученых
Санкт-Петербург, 16-18 ноября 2007
Москва, 6-8 июня 2008
Минск, 21-23 ноября 2008*

Санкт-Петербург
2009

УДК 910.3, 911.3
ББК 26.8; 65.9
Т 33

Редакционная коллегия: к.г.н., доцент Каледин Н.В., к.г.н., доцент Шувалов В.Е., д.г.н., профессор Пирожник И.И., Амбурцев Р.А., Озем Г.З., Музалев А.А., Морачевская К.А., Землянский Д.Ю.

Печатается по решению Ученого совета
Факультета географии и геоэкологии СПбГУ

Т 33 Теория и практика географической конфликтологии. Сборник статей по материалам IV, V и VI международных семинаров молодых ученых «Теория и практика географической конфликтологии» / Факультет географии и геоэкологии СПбГУ. - Санкт-Петербург, 2009. - 275 с.

Сборник включает в себя материалы постоянно действующего семинара молодых ученых, проводимого факультетом географии и геоэкологии Санкт-Петербургского государственного университета и географическим факультетом Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Представленные в книге работы студентов, аспирантов и молодых ученых являются исследованиями в рамках молодого, активно развивающегося направления географической науки – геоконфликтологии. Широкий тематический охват представленных работ соответствует основным направлениям научных исследований географов России и Беларуси.

Материалы сборника могут быть полезны широкому кругу читателей: научным работникам, преподавателям, студентам и всем интересующимся проблемами экономической, социальной и политической географии, конфликтологии, геоконфликтологии.

ББК 26.8; 65.9

© Коллектив авторов, 2009
© Факультет географии и геоэкологии
Санкт-Петербургского государственного университета, 2009

Особенности этнического расселения в пределах горной зоны республик Северного Кавказа

Богатуров Дмитрий (СПбГУ)

Контрастный ландшафт республик Северного Кавказа (СК) в купе с этнической мозаичностью территории формируют различные типы этнического расселения. Изучение этнического расселения в горной и предгорной местности – второй этап исследования горных и предгорных территорий республик Северного Кавказа. В исследовании этнического расселения будет проводиться анализ социально-экономической и культурной ситуации в регионе.

В 1990-е и 2000-е гг. исследованию этнического расселения на Кавказе уделяется достаточно большое внимание. Во многом, сложившийся интерес обусловлен и конфликтным потенциалом региона. К одной из наиболее фундаментальных работ по данной тематике принадлежит исследования профессора Ставропольского государственного университета В.С. Белозерова [1]. В его трудах детально рассматриваются вопросы изменения этнической структуры населения республик и краев СК, происходящие в течении XX в. На основе анализа этнической структуры административно-территориальных единиц региона и выделения различных статусных характеристик народов (титульные, коренные, некоренные этносы), автор составил ряд оригинальных карт. Эти карты отражают пространственные особенности протекания этнических процессов и выявляют закономерности этнического расселения. Таким образом, в работе Белозерова была составлена типология территорий СК, базирующаяся на характеристике этнической структуры населения. Значительное внимание в обозначенной работе уделяется анализу миграционных процессов по направлению «горы – равнина».

В контексте изучения этнического расселения республик СК в рамках данного проекта проводился анализ современной этнической структуры на уровне всех административных районов. Информационная база исследования была представлена данными Федеральной службы государственной статистики (ФСГС) и местными республиканскими Территориальными органами ФСГС, отражающими этническую структуру населения по данным переписи 2002 г.

Основными способами решения задач на пути к географической систематизации этнического расселения являются: таксонирование, классификация и типология. На протяжении XX в., с учетом деления территории страны на национальные образования, сложились следующие основные типы этнического расселения:

1. Компактное проживание этноса в пределах отдельных районов НТО (этноареальный тип расселения);
2. Проживание в пределах столиц республик/национальных автономий, а также в промышленных центрах;
3. Проживание дисперсными группами в пределах территорий компактного размещения других народов республик/национальных автономий, включая населенные пункты со смешанным этническим составом.

Одной из наиболее сложных задач, решаемых в рамках данной работы, является дефиниция границ *основного ареала расселения* в пределах республик (см. выше, первый тип расселения).

В понятийно-терминологическом словаре Э.Б. Алаева под *ареалом* подразумевается «геотория, в пределах которой наблюдаются данные явления, не наблюдаемые на сопряженных (соседних) геоториях». С другой стороны под *ареалом* понимается, «компактное нахождение конкретных объектов, положи-

Содержание

Богатуров Д. Особенности этнического расселения в пределах горной зоны республик Северного Кавказа.....	3
Гусева Е. Проблема городского управления в малых городах.....	7
Землянский Д., Камаева Н., Метальникова О., Чернышева Е. Трансформация социального поля приграничных территорий (на примере Белгородской и Харьковской областей).....	12
Кручинина В. Стратегия развития прибрежных территорий.....	17
Мильтчаков М. Особенности организации системы межбюджетных отношений в Российской Федерации и Республике Казахстан.....	20
Музалев А. География религиозных институтов Северного Кавказа.....	29
Землянский Д. Дифференциация инвестиционного пространства (на примере Центрально-Черноземного экономического района).....	36
Земцов С. Инновационная зона как территориальная модель модернизации экономики России (на примере Новосибирской и Томской областей).....	47
Кобзева М. Агломерации Урало-Поволжья (на примере Самарской и Екатеринбургской).....	54
Коменденко Д. Непризнанные государства постсоветского пространства как ТПС.....	60
Куликов Г. Конкуренционные преимущества и недостатки крупных городов Урало-Поволжья.....	65
Морачевская К. Социально-экономическое развитие и дифференциация приграничных с Белоруссией районов России.....	67
Музалев А. Оценка уровня развития религиозной инфраструктуры ислама в регионах Северного Кавказа.....	71
Столбова А. Индикативный анализ диффузий нововведений (на примере сетевых структур).....	77
Балмакова А. Туристский сектор в экономических центрах полифункционального развития (на примере города Лида).....	86
Бородич Ю. Проблемы развития приграничных районов Смоленской области.....	93
Боярина А. Экологические проблемы Витебской области и пути их решения.....	98
Губарева Ю. Типологические подходы к систематизации геосоциодемографического пространства сельской местности Беларуси.....	102
Дятлик И. Современные тенденции демографического развития малых городов Минской области.....	106
Зарудский С. Структура занятости населения как индикатор уровня экономического развития регионов (на примере Брестской области).....	114
Зюзин П. Особенности географии российского городского электротранспорта.....	120
Николаева О. Особенности демографической ситуации в Республике Татарстан.....	123
Пушкевич С. Средние города Беларуси: основные социально-экономические проблемы развития.....	134
Рускевич И. Состав иммигрантов в сельской местности Беларуси в конце XX - начале XXI века.....	145
Рыжков Р. Полярность ландшафтов и внутрорегиональные диспропорции развития Республики Коми.....	149
Савостьянова О. Условия конкурентоспособности туристских продуктов на примере ИКЗ «Несвиж» и ИКК «Линия Сталина».....	151

Северинцев А. Экологические проблемы промышленности г. Минска.....	156
Слесаренков Р. Демографическая ситуация как фактор развития сельской местности Смоленской области.....	166
Сорокин А., Соловьева И. Новые подходы к использованию геоинформационных технологий в географии населения (по материалам ГИС-проекта переписи населения Республики Беларусь 2009 г.).....	173
Сушкова Л. СНГ-2 (Содружество непризнанных государств) как реалия постсоветского пространства.....	177
Федорова И. Культурно-исторические ресурсы как основа формирования национальной и региональных туристско-рекреационных систем Беларуси.....	186
Фокеева Л. Типология регионов Беларуси по характеру демовоспроизводственных процессов.....	191
Чижевская Ж. Моделирование и основные направления устойчивого развития малых городских поселений Республики Беларусь.....	198
Хомяков В., Шайтанова Ю. Демографическая ситуация в Могилевской области и ее проблемы.....	210
Щадраков А. Факторы конкурентоспособности трансграничного региона.....	218
Шульгова А. Формирование туристского продукта историко-культурных городов (на примере города Слонима).....	231
Аверкнева К. Типология городов по исторической взаимосвязи с окружающей территорией.....	238
Гусева Е. Феномен городов-стотысячников.....	241
Коменденко Д. Непризнанные государства как геополитический вызов. Типология непризнанных государств.....	248
Мильтчаков М. Политика федерального центра в регионах: инвестиционные и выравнивающие финансовые инструменты.....	251
Музалев А. Оценка уровня развития религиозной инфраструктуры православия в регионах Северо-Западного Кавказа.....	258
Малинин П., Амбурцев Р. Территориально-политические системы Республики Молдова.....	265
Раскин И., Амбурцев Р. Региональные политические культуры Украины: опыт исследования.....	269
Содержание.....	272

Таблица 2. Бюджетные изъятия и субвенции из республиканского бюджета.

территория	объем изъятий/ субвенций, млн руб.	численность населения, тыс. чел.	душевые изъятия/ субвенции
г. Алма-Ата	-14757	1136	-12989
г. Астана	-2165	493	-4387
Актюбинская обл.	-220	669	-328
Атырауская обл.	-8788	450	-19520
Мангистауская обл.	-4987	332	-15003
Акмолинская обл.	4003	719	5561
Алматинская обл.	4527	1558	2906
Восточно-Казахстанская обл.	4528	1485	3048
Жамбылская обл.	4352	980	4438
Западно-Казахстанская обл.	2280	602	3784
Карагандинская обл.	1566	1350	1160
Костанайская обл.	2737	938	2916
Кызылординская обл.	3022	606	4983
Павлодарская обл.	777	758	1025
Северо-Казахстанская обл.	3376	691	4882
Южно-Казахстанская обл.	8171	2045	3995

Источник: Закон о бюджете РК на 2007 г.

Казахстанская области (см. рис.6). На противоположном полюсе – Атырауская и Мангистауская области. Но надо учитывать и то обстоятельство, что в последнем случае области не отличаются значительной людностью.

По итогам проведенного исследования можно констатировать:

1. Российская Федерация располагает более широким спектром механизмов перераспределения средств и более сложной моделью межбюджетных отношений.
2. Одним из ключевых звеньев межбюджетной системы Казахстана является Национальный фонд.
3. Анализ бюджетно-финансовой информации в разрезе регионов позволяет выявить территориальную специфику, определить степень социально-экономического благополучия.

География религиозных институтов Северного Кавказа

Музалев Антон (СПбГУ)

В современной гуманитарной географии такая научная отрасль как география религии является одной из новых и развивающихся. А.Г. Дружинин [1], рассматривает ее как составную часть культурной географии, характеризующуюся аксиологическими подходами в исследованиях. В зарубежной географической литературе [2], ее относят к социальной географии, причем объектами исследования выступают религиозная инфраструктура и религиозные институты, а предмет научного направления определяется преимущественно с точки зрения исследовательского подхода. На наш взгляд, географии религии следует рассматривать как дисциплину, развивающуюся на стыке гуманитарной географии, социологии и религиоведения. Объект самой дисциплины требует интегрального решения задач в подобного рода исследованиях.

Рассматривая религиозные конфессии, функционирующие в пределах региона, как *территориально-конфессиональные системы (ТКС)*, т.е. систему взаимодействующих и взаимовлияющих религиозных конфессий, функционирующих на определенной территории и связанных с ее социальным субстратом, считаем необходимым, выделять в них наиболее “географичные” компоненты, которые могут иметь определенную территориальную приуроченность, характеризовать прочие элементы социального ландшафта, являться организующей и преобразующей силой социокультурной динамики населения определенной территории. К ним, считаем возможным отнести: *религиозные институты* и их последователей, *религиозную инфраструктуру* – материальную базу отправления культа, территориальные особенности религиозного культа, а также *религиозные ценности*, как один из важных рубежных компонентов территориальных этноконфессиональных систем.

Прежде всего, необходимо определить понятие *религиозный институт*. В социологии религии последователи определенного вероисповедания рассматриваются как члены религиозной общности. В рамках общности на основе различных видов деятельности – культовой и внекультовой – выделяется целая система религиозных субгрупп. Существование и функционирование религиозной общности и ее субгрупп как единого целого обеспечиваются *религиозной организацией или институтом*. Строем религиозного института предписывается традицией и обычаем, церковным правом или уставом, апостольскими правилами, конституциями и т.д. Организационные принципы определяют ее составные части, совокупность позиций и ролей, правила субординации и координации деятельности индивидов и отдельных звеньев организации, узлы деятельности и, соответственно, группы деятелей, призванные обеспечить единство объединения (института) [3, 5].

Первичной ячейкой религиозного института является *религиозная община и ее члены*, над общинами надстраивается комплекс звеньев вплоть до высшего звена – центра института.

Далее будут рассмотрены территориальные особенности институциональной организации православия и ислама, как наиболее распространенных религиозных конфессий на территории горных регионов Северного Кавказа.

Наиболее адекватной информацией о количестве религиозных объединений и религиозных групп, действующих в исследуемых регионах, являются данные регистрации территориальных Управлений Федеральной регистрационной службы РФ (таблица 1).

На более высоком иерархическом уровне различия в институциональной

Таблица 1. Религиозные объединения и группы в регионах Северного Кавказа.*

Религиозная конфессия	РА	КСР	КБР	РСО-Алания	РИ	ЧР	РД	Краснодар. край	Ставропол. край
Православные религиозные организации (приходы)	55	22	19	31	3	3	14	352	383
Исламские религиозные организации (вакфы)	38	109	127	16	416	1000 (1998 г.)	1812	16	34
Протестантские и иные религиозные организации (собрания)	34	51	32	44	2	3	38	334	110

*по состоянию на январь 2008 года;

составлено по 4,5,6,7,8,9 и данным территориальных Управлений ФРС РФ.

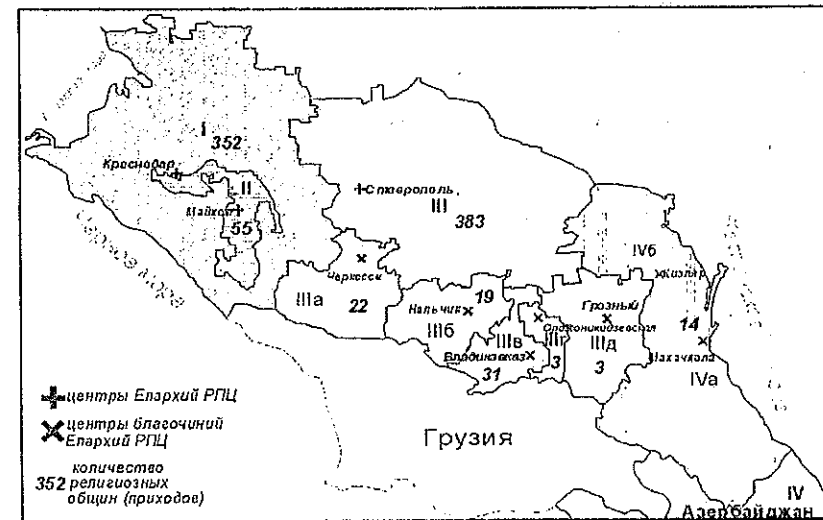
организации тех или иных конфессий проявляются очень четко. Набор организационных элементов, их взаимосвязи, распределение позиций и ролей, управленческие и исполнительные органы, механизмы контроля сильно различаются в религиозных конфессиях, объединениях разных типов. Социологи, на основе изучения христианства, выделяют следующие основные типы религиозных объединений: церковь, секта, деноминация, установленная секта, мистерия и др. Наибольшее единодушие исследователей получило признание трех первых типов [3, 4, 5]. На Северном Кавказе представлены все три основных типа формальных религиозных объединений: церковь, присущая Русской Православной Церкви, Римской Католической Церкви, Армянской Апостольской Церкви, Ассирийской Апостольской Церкви, Старообрядческим церквям (РПСЦ, ДПСЦ, и др.); деноминационный тип организаций характерен как для «новопротестантских православных» организаций (например, РПАЦ, РПЦЗ (л), РПЦЗ (в), ИПЦ), так и для отдельных протестантских объединений (например, Лютеранских церквей (ЕЛЦ), Методистских церквей, Евангелических церквей); сектантский тип организации характерен для большинства протестантских, «новых православных» организаций, и организаций «новых религий» (Баптизм, Пятидесятничество, Адвентизм, Мормоны, Свидетели Иеговы, Виссариониты, Пресвитериане, Бахаи, Мунниты и др.) [4, 5]. Для ислама исторически характерна сектантская форма религиозных организаций, сама история зарождения и основы вероучения ислама определяет подобную форму институциональной организации. Северокавказский ислам – суннитского толка. Традиционными течениями последнего являются два мазхаба: шафитский, много последователей которого встречается среди чеченцев, ингушей и аварцев, и ханифитский, к которому принадлежат большинство остальных верующих мусульман Северного Кавказа [6]. Также традиционное распространение на Северном Кавказе имеют суфийские ордена, в частности, кадирийский и накшбандийский, получившие распространение преимущественно в Дагестане и Чечне. Необходимо отметить, что исламские религиозные организации постепенно приобретают все более институциональные черты, и в управленческом и иерархическом плане становятся близки к церковному типу организации. Велика также вероятность наличия в макрорегионе и неформальных религиозных организаций без официальной регистрации.

В целом территория России считается «канонической территорией» Русской Православной Церкви Московского Патриархата. РПЦ имеет очень четкую иерархическую структуру с жесткой системой подчинения, имеющей аналогию с монархической системой соподчиненности, где всякое отступление от канонов

карается отлучением или запретом служения. В структурном отношении РПЦ имеет четырехчленное деление: Приход – Благочиние – Епархия – Московский Патриархат. Приходы, расположенные в пределах регионов Северного Кавказа, относятся к юрисдикции Московского Патриархата, который определяет особенности организации религиозной жизни и иерархическую систему соподчиненности. В пределах территорий горных регионов Северном Кавказе действуют четыре епархии РПЦ (рисунок 1): Екатеринодарская и Кубанская, Ставропольская и Владикавказская, Майкопская и Адыгейская, Бакинская и Прикаспийская. Крупнейшими из них являются первые две, причем первой, полностью подчиняются православные приходы, расположенные на административной территории Краснодарского края, а второй, приходы, действующие на административных территориях Ставропольского края и ряда республик: Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, РСО-Алания, Ингушетии и Чечни. Майкопской и Адыгейской епархии подчинены приходы территориальная организация которых, совпадает с административной территорией Адыгеи; необходимо также отметить, что это единственная республика Северного Кавказа, где выделена самостоятельная епархия РПЦ. Центр Бакинской и Прикаспийской епархии расположен за пределами России в Баку, а самая епархия охватывает территорию Азербайджана, но в ее подчинении находятся православные приходы и на территории Дагестана.

Епархии в свою очередь делятся на ряд благочиний. Екатеринодарская

Рисунок 1. Епархии РПЦ в пределах регионов Северного Кавказа.

Цифры на карте обозначены: I – Екатеринодарская и Кубанская (всего 22 благочиния на территории Краснодарского края); II – Майкопская и Адыгейская; III – Ставропольская и Владикавказская (всего 13 благочиний, в том числе 8 на территории Ставропольского края, IIIa – Карачаево-Черкесское, IIIб – Кабардино-Балкарское, IIIв – Осетинское, IIIг – Ингушское, IIIд – Чеченское); IV – Бакинская и Прикаспийская (всего 4 благочиния, в том числе 2 на территории Дагестана: IVa – Махачкалинское, IVб – Кизлярское).

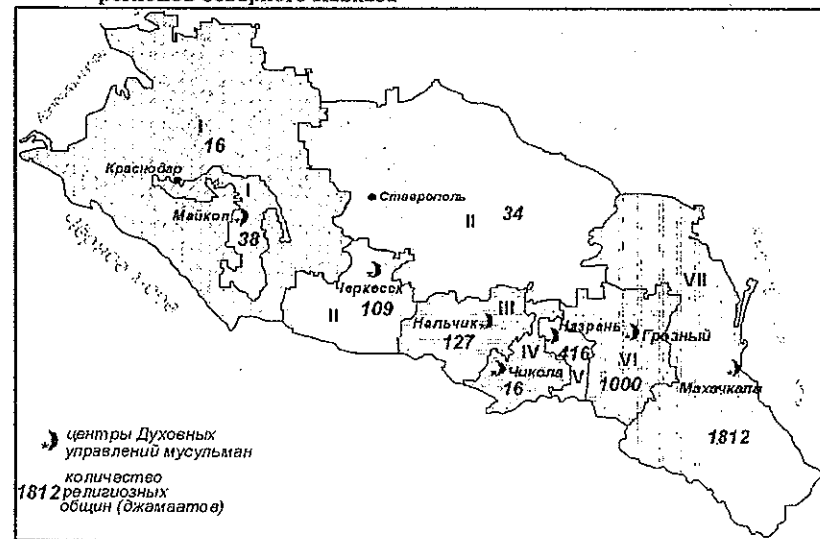
и Кубанская на 22 благочиния расположенных на территории Краснодарского края: Абинское, Анапское, Апшеронское, Армавирское, Горячключевское, Динское, Ейское, 1-ое Екатеринодарское, 2-ое Екатеринодарское, Каневское, Кропоткинское, Крымское, Курганническое, Новоросийское, Полтавское, Славянское, Староминское, Сочинское, Темрюкское, Тимашевское, Тихорецкое, Усть-Лабинское [7]. Ставропольская и Владикавказская делится на 13 благочиний, 8 из которых расположены на территории Ставропольского края (Арзгирское, Буденовское, Ипатовское, Кисловодское, Новоалександровское, Пятигорское, Светлогорское, Ставропольское,) [4,5] и по одному в каждой из республик, приходы, на территориях которых, входят в состав епархии. Бакинская и Прикаспийская епархия делится на 4 благочиния, из них 2 на территории Азербайджана (Бакинское и Районов Азербайджана), еще 2 расположены на территории Дагестана (Махачкалинское и Кизлярское) [8]. Майкопская и Адыгейская епархия до недавнего времени не имела деления на благочиния в связи немногочисленностью приходов и небольшой территорией самой республики, но в связи с ростом числа приходов в 2006 г. были образованы три благочиния: Майкопское, Николаевское, Яблоновское [4, 5].

Для понимания особенностей территориальной организации православной территориально-конфессиональной системы на Северном Кавказе необходимо сказать несколько слов об исторических и социальных условиях ее формирования. В 1602 г. основывается Астраханская епархия, долгое время распространявшая свою юрисдикцию на приходы всего Северного Кавказа. По указу Петра I в 1723 г. в титул Астраханских епископов вносится наименование «Ставропольский». В 1829 г. была образована Донская епархия, все православные приходы Северного Кавказа стали входить в ее подчинение. В 1842 г. учреждается новая епархия – Кавказской и Черноморской, кафедральным городом которой становится Ставрополь. С 1863 г. происходит изменение титула Кавказского епископа на «Кавказский и Екатеринодарский». В 1885 г. Кавказская епархия разделяется на Ставропольскую, Владикавказскую и Сухумскую епархии. В 1905 году была организована Бакинская архиерейская кафедра (епархия). В дальнейшем епископы получили титул «Бакинский и Прикаспийский». В состав епархии входили приходы по западному побережью Каспийского моря. Учитывая трудности в управлении обширной Кавказской епархией, Священный Синод в 1907 г. открыл Ейское викариатство, а в 1911 г. Александровское викариатство. В 1919 г. в г. Ставрополе проходит церковный собор, одним из решений которого было образование Екатеринодарской епархии. В период революционных потрясений и в годы советской власти РПЦ на Северном Кавказе находится в тяжелом положении – из 500 действовавших в Екатеринодарской епархии храмов сохранилось около 40. Но эта епархия РПЦ была единственной постоянно действующей на всем Кавказе в период с 1920-х по 1990-е гг. [9]. Организованная церковная жизнь в Ставропольской епархии к началу 1930-х гг. была разрушена, ее восстановление началось только после 1943 г. Церковно-административная деятельность в Прикаспийской епархии затруднилась как включением Азербайджана в обновленческий Закавказский митрополичий округ (с 1923), так и преследованиями православного духовенства. После разрешения возобновить церковную деятельность в 1943 г., в Баку был вновь открыт православный храм, а затем еще ряд приходов на территории Азербайджана, которые вошли в состав Ставропольско-Бакинской епархии РПЦ. В состав этой же епархии были включены приходы РПЦ в национальных автономиях (за исключением Адыгейской АО) Северного Кавказа. В 80-е гг. XX столетия число православных приходов Краснодарской епархии не превышало восьмидесяти, но за период с 1985 г. по 1994 г. их число увеличилось почти втрое [7]. Для контроля за деятельностью приходов создают-

ся новые благочиния. В 1991 г. создается Майкопское благочиние с центром в г. Майкопе. В феврале 1994 г. по представлению архиепископа Краснодарского и Кубанского Священный Синод образовал новую Майкопско – Армавирскую епархию с центром в г. Майкопе, а сама епархия была преобразована в Краснодарскую и Новоросийскую. В состав образованной епархии вошли 72 прихода расположенные на территории Адыген и тринадцати районов Краснодарского края к югу от р. Кубань. По данным на 1 декабря 1998 г. Майкопско-Армавирская епархия насчитывала 111 приходов, которые были разделены на 7 благочиний [7]. В то время же после восстановления суверенитета Азербайджана возникла необходимость упорядочения православной религиозной жизни на его территории. В связи с этим 28 декабря 1998 г. решением Священного Синода РПЦ была восстановлена Бакинско-Прикаспийская епархия, в ее состав вошли православные приходы на территориях Азербайджана, Дагестана и Чеченской Республики [8]. Позднее приходы в Чечне были переданы в состав Ставропольской и Владикавказской епархии. Решением Священного Синода РПЦ от 28 декабря 2000 г. Майкопско-Армавирская епархия была преобразована в Майкопскую и Адыгейскую, в состав которой были переданы приходы, составлявшие ранее одно благочиние существовавшей епархии, территориально расположенные в пределах Адыген, остальные приходы были переданы в состав преобразованной Екатеринодарской и Кубанской епархии [9].

Рассматривая территориальные особенности институциональной организации исламской территориально-конфессиональной системы в пределах горных регионов Северного Кавказа, нельзя не остановиться на процессах произошедших за последнее десятилетие в структуре мусульманских организаций

Рисунок 2. Духовные управления мусульман в пределах регионов Северного Кавказа

Цифрами на карте обозначены: I – ДУМ Республики Адыгея и Краснодарского края; II – ДУМ Карачаево-Черкесской республики и Ставропольского края; III – ДУМ Кабардино-Балкария, IV – ДУМ РСО-Алания, V – ДУМ Республики Ингушетия, VI – ДУМ Чеченской республики, VII – ДУМ Республики Дагестан.

в масштабе всей страны. Необходимость подобного анализа вызвана тем, что дезинтеграция и децентрализация, наблюдаемые в стране в начале 1990-х гг. четко проецировались на структуру управления мусульман России. Этот процесс служит убедительным доказательством того, как на фоне общего подъема религиозного сознания мусульман, в управлении религиозных институтов ислама шла борьба между различными группами, и мотивацией этой борьбы служило не стремление к улучшению качества работы религиозных организаций, а личные интересы и возможность политического роста на фоне увеличения влияния религии на политическую жизнь общества. В послевоенный период на территории РСФСР действовали два духовных управления мусульман – европейской части России и Сибири (ДУМЕС) и Северного Кавказа (ДУМСК). На первом съезде мусульман Северного Кавказа в мае 1989 г. произошел организационный раскол: ДУМСК распалось, образовав вместо себя региональные духовные управления. В 1989 г. образовались ДУМ Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии, в 1990 г. ДУМ РСО-Алании и Карачаево-Черкессии (впоследствии преобразованное в ДУМ Карачаево-Черкессии и Ставропольского края). В дальнейшем процесс реструктуризации достиг на Северном Кавказе максимума: в 1991 г. возник ДУМ Чеченской Республики, в Карачаево-Черкессии – Черкесский имамат, в Республике Адыгея был принят устав Общины мусульман Адыгеи, впоследствии преобразованной в ДУМ Адыгеи и Краснодарского края, в 1992 г. было создано ДУМ Ингушетии, в 1994 г. Сложней обстояло дело в полиэтничном Дагестане, где в 1992 г. образовались кумыкский муфтият и даргинский казият, а к середине 1990-х гг. практически каждый крупный этнос Дагестана имел собственное независимое духовное управление [6]. Подобная ситуация сложилась среди мусульманского духовенства остальной России. ДУМЕС обладало жесткой централизованной системой управления, это стимулировало стремление имамов в регионах выйти из-под его власти. Начиная с 1991 г. процесс создания духовных управлений затронул все области России, где проживали компактные общины мусульман. К концу 1990-х гг. на территории России (не считая Северного Кавказа) сложились три крупных мусульманских духовных центра – ЦДУМ, Высший координационный центр духовных управлений мусульман (ВКЦДУМ) и созданный в 1996 г. на базе ДУМЦЕР Совет муфтиев России. На Северном Кавказе в противовес имеющимся объединениям имамов был создан Координационный совет муфтиев Северного Кавказа, в который вошли муфтии всех ДУМ макрорегиона, в настоящее время его возглавляет муфтий Карачаево-Черкессии Исмаил-хаджи Бердиев [4, 5, 6].

По состоянию на январь 2007 г. на территории РФ действовало более 40 Духовных управлений (муфтият) [4, 5], являющихся самостоятельными структурными единицами, получившими юридический статус. Высшим исполнительным органом мусульманского духовенства является Совет муфтиев России, который реально координирует деятельность большинства Духовных управлений мусульман в России. В пределах Северного Кавказа находятся следующие Духовные управления, входящие в качестве постоянных или ассоциированных членов в Совет муфтиев России: Адыгеи и Краснодарского края, Карачаево-Черкессии и Ставропольского края, Кабардино-Балкарии, РСО-Алании, Ингушетии, Чечни, Дагестана (рисунок 2). Кроме того, некоторые религиозные общества напрямую связаны с Советом муфтиев, например, объединение мусульман «Азан» г. Туапсе и Туапсинского района Краснодарского края. Региональные ДУМ, хотя и имеют равнозначные юридический и религиозный статусы, однако не являются таковыми по степени влияния на жизнь общества. Наиболее влиятельными, безусловно, можно считать ДУМ Дагестана, Чечни, Ингушетии, Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, располагающих наибольшим количеством как материальных ресурсов, так и количеством верующих. Кроме того, данные ДУМ

ведут активную работу по расширению соответствующей религиозной инфраструктуры.

В иерархическом отношении исламские религиозные институты имеют двухчленную структуру: джамаат – муфтият. Джамааты представляют собой первичные религиозные организации, духовными лидерами которых являются имамы. Второй иерархической ступенью исламского религиозного института является муфтият, который представлен Духовным управлением мусульман. Необходимо отметить, что духовным и административным руководителем Духовного управления мусульман является муфтий. Должность муфтия является выборной в соответствии с суннитским вероучением, согласно которому, духовным лидером может стать любой достойный верующий член мусульманской общины. По религиозному праву и традиции община мусульман является самодостаточным образованием, и ее формальное подчинение тому или иному муфтияту не является определяющим, в любом случае община как таковая остается в рамках ислама. Все попытки создания централизованного исламского религиозного института являются канонически некорректными, поскольку мусульмане-сунниты в отличие от шиитов отвергают идею о посредничестве между Всевышним и людьми после смерти пророка Мухаммеда. Для значительной части мусульман Дагестана и Чечни в качестве главного религиозного института выступает суфийский орден, главой которого является суфий (учитель). Суфийские ордена часто не приемлют власть муфтия, и как следствие, игнорируют все институциональные организации в исламе. В рамках кадирийского и накшбандийского тарикатов ислама, первичные религиозные организации (вирды) состоят из мюридов, являющихся последователями шейха. Например, в Чеченской Республике действуют три крупных вирда и десятки более мелких. Как правило, вирды не являются инкорпорированными в структуру официальных ДУМ.

Таким образом, особенностью институциональной организации двух основных религиозных территориально-конфессиональных систем Северного Кавказа, являются результатом длительного исторического развития религиозных институтов как таковых. Иерархическая структура последних, определяется вероучением и внутренними правилами конфессий. Религиозная жизнь индивидов, в значительной мере, является инкорпорированной в структуру религиозных институтов, посредством их вхождения в первичную религиозную организацию.

Список использованной литературы:

1. Дружинин А.Г. Теоретико-методологические основы географических исследований культур: Автореф. дис... докт. геогр. наук (11.00.02) / Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб, 1995. – С. 11.
2. Fellman, Jerome Donald et al., Human geography: landscapes of human activities / J.Fellman, A. Getis, J. Getis. – 3-d ed. - Dubuque: Brown, cop. 1992. – XI, 532 p.; Kostelnick, John C., An interactive mapping system for exploring the geography of American religion: [Diss.] / John C.Kostelnick.; The University of Kansas, 2006. - 268 p.
3. Гараджа В. И. Социология религии: учеб. пособие / В.И.Гараджа. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: «ИНФРА-М», 2007. – 384 с.
4. Атлас современной религиозной жизни России: в 3 т., Т. 1. / Отв. ред. М.Бурдо, С.Филатов. – М.; СПб: «Легкий сад», 2005. – 621 с.
5. Современная религиозная жизнь России: Опыт систематического описания: в 3 т. Т. 3. / Отв. ред. М.Бурдо, С.Филатов. – М.: «Логос», 2005. – 426 с.
6. Шоров М.А. Ислам на Юге России: геокультурологический аспект: Авто-

раничных районах (данные на 2006 г.). В Усвятском районе отсутствуют инвестиционные вложения. Инвестиции на душу населения в приграничных районах более чем в 10 раз меньше, чем аналогичный показатель в среднем по России. В Велижском районе инвестиции на душу населения достигают максимальных значений среди приграничных районов.

Возвращаясь к вопросу, поставленному в начале доклада и проведя краткий анализ социально-экономической ситуации в приграничных районах можно провести дифференциацию районов в зависимости от направлений их дальнейшего развития и рациональности развития приграничных связей:

I. Районы сравнительно развитые и имеющие развитую транспортную сеть, но не ориентированные на развитие приграничных связей с Беларуссией.

Себежский район. Безусловно, граница с Латвией более важна для района, несмотря на свою барьерность, так как имеет социально-экономическое значение (таможенная инфраструктура, новые рабочие места, более высокие зарплаты). В этом случае можно сказать, что вероятно следовало пути: «Преодолеть периферийность, используя приграничность».

Руднянский район. Лидер по промышленному производству, основная доля которого приходится на завод «Рудняконсервмолоко». Направлением развития может быть создание новых или реконструкция старых предприятий. Так как транспортная инфраструктура хорошая и район близко расположен к областному центру, вероятно возрастание инвестиционных вложений.

Суражский район. Сравнительно развит, представлены и промышленность, и сельское хозяйство. Для развития приграничных связей отсутствуют начальные транспортные пути.

Новозыбковский район. В современных условиях известно, что сотрудничество происходит в основном в культурной сфере. Достаточно хорошие демографические показатели, а значит, несмотря на то, что район был затронут аварией на Чернобыльской АЭС и часть территорий имеет статус «с правом на население», он является центром притяжения населения и может называться субрегиональным центром Брянской области (станкостроительный завод, швейный комбинат, мясоккомбинат).

II. Районы более или менее благополучные, развитие приграничных связей будет иметь для них положительный эффект.

Невельский район. Развитая транспортная сеть, что дает перспективу развития транспортно-транзитной функции у района. Имеет границу с Городокским районом Витебской области, также недостаточно развитым (Витебск, Полоцк и Новополоцк концентрируют основные ресурсы области). Возможно создание СП к примеру, по переработке сельскохозяйственного сырья, произведенного на территории Беларуссии), регулирование рынков рабочей силы.

Велижский район. Транспортное сообщение хорошее. Возможно развитие транспортно-транзитной функции, которой регион обладает в связи с приграничным положением. Экономические связи, вероятно, могли бы носить не точечный, а более регулярный характер.

Краснинский район. В сравнении с другими приграничными районами развит как в промышленной, так и в сельскохозяйственном отношении. Транспортная сеть имеет важное значение. Интересно отметить, что основные транспортные коммуникации проходят через северную часть района, районный центр же находится в стороне от них. Это дает импульс к развитию сельских территорий.

Клетнянский район. Имеет хорошую транспортную связанность с приграничными районами Беларуссии. Недостаточно развиты промышленность и

даже сельское хозяйство; возможно, будут какие-то новые импульсы для развития в приграничных контактах.

Климовский район. Есть достаточно хорошее транспортное сообщение с белорусскими районами. Значительная доля сельскохозяйственного производства. Возможно, могли бы развиваться приграничные связи в области сельского хозяйства (использование опыта агротехники Беларуссии, соглашения, о предоставлении сельскохозяйственной техники для уборки урожая).

III. Районы плохо развитые, для которых использование своего приграничного положения могло бы иметь положительный эффект.

Шумяцкий район. Соседний Рославльский район «оттягивает» население. Транспортная сеть развита, и возможно развитие приграницевой инфраструктуры, что приведет к созданию новых рабочих мест и замедлению миграционного оттока.

Красногорский район. Приграничные связи являются обоснованно необходимыми, учитывая, что население района испытывает духовную и культурную связанность с населением соседних приграничных районов Беларуссии более, чем с населением окружающей Брянской области. Демографические показатели крайне негативны, идет отток населения в соседние районы Беларуссии, но развитие приграничного сотрудничества могло бы его приостановить (обратное не столь вероятно, так как здесь именно граница не является сдерживающим фактором миграции населения); речь идет именно о сотрудничестве в конкретных сферах (сельское хозяйство, регулирование рынков рабочей силы, в частности, более регулируемых поток сезонных работников).

IV. Районы плохо развитые, для которых необходимы специальные программы развития, меры региональной политики, государственной поддержки.

Усвяцкий, Монастырщинский, Хиславичский, Ершицкий, Гордеевский, Злынковский районы. Для всех них характерны негативные демографические показатели, низкий уровень промышленного и сельскохозяйственного производства, ничтожный объем инвестиций или их отсутствие. Неразвита транспортная сеть, особенно в направлении сопредельных районов Беларуссии.

Таким образом, анализ социально-экономической ситуации и оценка влияния на нее фактора приграничности в исследуемых районах дают основания для проведения их дифференциации, что является необходимым для разработки мер региональной политики и осуществления регионального планирования.

Оценка уровня развития религиозной инфраструктуры ислама в регионах Северного Кавказа

Музалев Антон (СПбГУ)

Данный доклад является продолжением выступления на предыдущем пятом семинаре «Теория и практика географической конфликтологии», поэтому основные теоретические положения представлены в материалах пятого семинара. Здесь считаем возможным перейти сразу к изложению практических результатов исследования.

Сравнивая количественные и качественные параметры инфраструктуры исламской ТКС (таблица 1), необходимо отметить высокую степень неоднородности исламской территориально-конфессиональной системы горных регионов Северного Кавказа. Что может быть детерминировано комплексом факторов различного генезиса: этнического, культурного, исторического, политического и других. Различные сочетания факторов в процессе исторического развития обусловили современные региональные особенности исламской ТКС.

Таблица 1. Показатели развития инфраструктуры исламской ТКС в регионе Северного Кавказа

Показатели	Адыгея	Дагестан	Кабардино-Балкария	Карачаево-Черкессия	Ингушетия
число мечетей	38	1776	143	101	403
число служителей	51	3500	1280	2053	-
существующие мечети	1	34	7	5	6
исламские организации	38	1812	127	109	416
площадь мечетей, км ²	203,4	30,1	97,6	124,7	10
число мечетей на 1 служителя	1764	525	370,2	109,4	-
число мечетей на 1 км ²	2423,4	1092,3	3621,6	1988,4	750

составлено по 1, 2, 3, 9 и данным Духовных управлений мусульман регионов Северного Кавказа

Общий вектор роста численности исламских религиозных объединений имеет направление с запада на восток. Например, отношение числа мечетей в Дагестане составляет 1 к 47, Адыгеи и Карачаево-Черкессии – 1 к 3, в ближайшие годы, после возведения строящихся мечетей, их число в западной территории региона увеличится до 52, но и это количество будет меньше по сравнению с другими регионами. Минимальные количественные показатели первичных объединений характерны для Северной Осетии (абсолютно субэтническая составляющая). Динамика роста численности культовых объединений дает представление об активности исламских общин. К примеру, территории Дагестана в 1986 г. действовало всего 27 мечетей, а в 2006 г. – 403. Несколько уступающие по динамике, но схожие по вектору процессы имеют место и во всех остальных «исламских» регионах Северного Кавказа. По ряду качественных показателей исламской религиозной инфраструктуры необходимо выделить регионы восточной части Северного Кавказа (Чечено-дагестанская суперэтническая составляющая). Наиболее высокие значения плотности и интенсивности религиозной инфраструктуры характерны для Ингушетии и Дагестана. Районный разрез показывает наиболее высокую плотность в Центральном и Приморско-Предгорном комплексных ареалах функционирования ТКС Дагестана, Назрановском и Малгобекском районах. В регионах центральной и западной частей Северного Кавказа наиболее высокие показатели характерны для городов: Баксан (11), Нальчик (8 мечетей), Карачаевск (9), Усть-Джегута (15) и прилегающих к ним сельских территорий: Баксанский (27), Чегемский (16), Урванский (13), Зольский (21), Кара-Кумукинский (13) и Малокарачаевский (13), Прикубанский (18), Адыге-Хабльский (14), Бескский (14). Показатель плотности и интенсивности инфраструктуры

максимален в равнинных и предгорных районах, имеющих небольшую площадь, но высокую плотность населения, для горных районов характерна высокая концентрация объектов исламской религиозной инфраструктуры в относительно крупных поселениях.

Роль горных территорий Дагестана в формировании современных территориально-конфессиональных систем велика как ни в одном другом регионе Северного Кавказа. На территории горного Дагестана, начиная с эпохи поздней бронзы, складывалась система политеистических языческих культов и верований. Позднее домонотеистические верования сменили новые религии: зороастризм, буддизм, иудаизм, христианство, ислам, часть из которых продолжает и сейчас играть важную роль в социокультурном и этнокультурном процессах.

В VII, IX-XII вв. на юге начался активный процесс распространения ислама, но на западе Дагестана в это же время продолжало распространяться христианство. Во второй половине VIII в. у стен Дербента появились первые арабы, принесшие на территорию Дагестана учение пророка Мухаммеда. На завоеванных Халифатом землях (прежде всего – в Южном Дагестане) начался процесс внедрения ислама.

Следствием различий в путях распространения основных религиозных систем, является территориальная дифференциация ТКС Северо-Восточного Кавказа. Для южных районов современного Дагестана было характерно значительное разнообразие религиозных конфессий: зороастризм, иудаизм, христианство и ислам. На западе сохранялось заметное преобладание христианства. Основная же часть населения Дагестана, особенно вне городов, оставалась приверженной домонотеистическим религиозным верованиям. В X-XII вв. в разных районах Дагестана усиливается распространение как ислама, так и христианства. Однако, даже в XVIII – начале XIX в. религиозные воззрения народов Дагестана представляли собой систему синкретических культов, это является свидетельством того, что ни одна из религиозных конфессий, принятых населением Дагестана, не смогла до конца искоренить сформировавшиеся ранее религиозные воззрения, закрепленные в бытовом поведении и сознании.

Продолжавшееся более девяти столетий утверждение ислама, привело к его становлению в качестве преобладающей религиозной конфессии, исповедовавшейся большинством населения. Первоначально исламская территориально-конфессиональная система сформировалась преимущественно в приморских и южных частях Дагестана и в прилегающих к ним предгорье и высокогорье Южного и Центрального Дагестана. Центры духовной культуры сформировались в Дербенте, селениях Кочкюр, Цахур, Шиназ, Ругул, Рича, Ахты, Кумух, Ихрек, Калакорейш, Уркарах, Амузги, Кубачи и других. Второй этап распространения исламской ТКС связан с походами Тимура, когда процесс исламизации охватил центральную часть Дагестана (Гундеб, Акуша, Цудахар, Карабудакхент, Тарки, Хунзах, Согратль, Гимры, Гидатль, Кудулль и др.). На всей территории Дагестана того времени начался процесс активного вытеснения христианской ТКС. Смену ТКС можно проследить на основе культурно-религиозных памятников сохранившихся в селениях Калакорейш, Рича, Шиназ, Кубачи, Каракюре, Усиша, Цахур и г. Дербент [8].

Несмотря на преобладающее большинство приверженцев суннитского ислама в Дагестане сформировался устойчивый ареал расселения последователей шиизма: г. Дербент – духовный центр шиитов Дагестана, селения Мискинджа Ахтынского района, Арак, Цанак, Дарваг, Ерсин, Марата, Пенджи Табасаранского района, Белиджи, Берикей, Джалган, Джемикент, Митаги, Нюгди и др. Дербентского района [7, 8]. Ядро последователей шиитского ислама составляют представители азербайджанского этноса.

По мере упрочения позиций советской власти в Дагестане, происходил процесс непрерывного сужения сферы религиозной деятельности ТКС. В конце 1930-х годов начались прямые репрессии наиболее авторитетных представителей мусульманского духовенства, стали закрываться мечети и примечетские школы. Так, если к 1917 г. на территории Дагестанской области действовало около 1700 мечетей, 365 из которых были джума-мечетями (соборными) [7, 8], то к 1940 году не осталось ни одной официально действующей мечети, перестали открыто функционировать и мюридские общины. Однако, изменение государственной религиозной политики привело к созданию в 1944 г. Духовного управления мусульман Северного Кавказа и Дагестана в г. Буйнакске. Постепенно начался процесс восстановления исламской ТКС, в городах и крупных сельских поселениях стали открываться мечети, число которых к началу 1980-х гг. достигло 27. Более активно процесс восстановления исламской ТКС начался после 1988 г., и уже к 1991 г. в Дагестане действовало более 550 мечетей [9]. Одновременно шел процесс восстановления и других ТКС, и к 1991 г. действовало 5 православных церквей, 2 синагоги, 1 молитвенный дом христиан-баптистов, однако конфессиональный спектр ТКС сократился [8].

В настоящее время на территории Дагестана функционирует Духовное управление мусульман Дагестана, свыше 1800 мечетей [8, 9], действуют десятки примечетских школ (мектебе), духовных училищ (медресе), пять исламских вузов. Массовыми тиражами издается исламская богословская литература, несколько газет и журналов. Постоянно растет число совершивших хадж в Мекку. Значительно расширились связи (богословские, образовательные, культурные, гуманитарные) дагестанских мусульман с зарубежными исламскими центрами. В Дагестане функционируют и другие религиозные ТКС, среди них ведущее место занимают РПЦ и ААЦ, проходят службы в католических храмах, синагогах, молитвенных домах евангельских христиан-баптистов, адвентистов [1, 9].

Однако, повсюду заметно преобладают представители исламской ТКС. В городах и старых аулах восстанавливаются старые и быстрыми темпами возводятся новые мечети и медресе при них. Активно ведется строительство новых мечетей и в переселенческих аулах равнинной и предгорной зон. В Махачкале, Дербенте, Буйнакске, Кизилюрте, Дыльме, Хаджалмахи и других крупных населенных пунктах открываются исламские университеты и их филиалы. Таким образом, Дагестан характеризуется самым высоким уровнем развития исламской религиозной инфраструктуры не только среди горных регионов Северного Кавказа, но и среди всех «исламских» регионов России.

Помимо Дагестана, инфраструктура ислама наиболее развита в Ингушетии, где количественные показатели превышают аналогичные в Карачаево-Черкесии или Кабардино-Балкарии, однако в пересчете на количество населения и размеры территории – намного выше их, что свидетельствует о более высоком качественном уровне исламской ТКС. Наиболее широко в данной республике представлена сеть религиозных образовательных учреждений. При более чем 100 из 416 действующих в республике мечетей открыты мектебе или воскресные курсы по изучению арабского языка и основ ислама, в ст. Слепцовская с 1994 г. действует Исламский институт имени Короля Фахда [1, 9].

Оценивая обеспеченность районов Адыгеи исламской инфраструктурой, необходимо отметить, что в Теучежском, Тахтамукайском, Шовгеновском и Кошехабльском районах отмечаются наибольшие количественные показатели, характеризующие конфессиональную инфраструктуру (15, 16, 8, 9 мечетей соответственно). Однако, по уровню обеспеченности верующих культовыми сооружениями (количество верующих на одну мечеть) лидируют Шовгеновский, Теучежский и Кошехабльский районы республики. Необходимо подчеркнуть, что доля

адыгейцев в этнической структуре Красногвардейского района составляет 18,2%, это дает основание утверждать, что степень религиозности населения мало зависит от этнической структуры. В остальных же районах, уровень развития инфраструктуры корреляционно связан с этническим составом населения. Среднереспубликанские показатели: количество служителей культа – 51, плотность мечетей – 1 на 203,4 км², количество верующих на 1 служителя культа – 1764, количество потенциальных верующих на 1 мечеть – 2423,4, исламских образовательных учреждений на территории республики нет, планируется открытие филиала Северокавказского исламского университета [1, 3, 4].

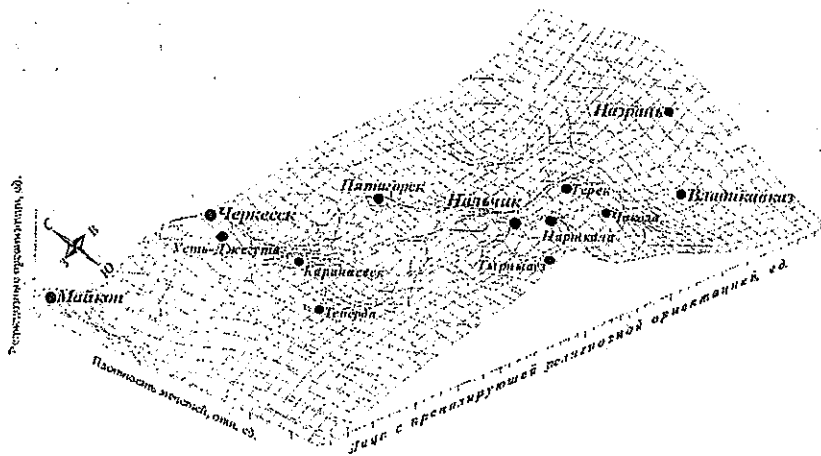
Показательна образовательная подготовка духовных лиц в регионах Северного Кавказа. Представители практически всех республик Северного Кавказа проходят обучение в исламских образовательных учреждениях за рубежом. Однако их численность существенно разнится даже в «адыгских» республиках. Так, если счет обучающихся за рубежом жителей Кабардино-Балкарии идет на сотни, то в Адыгее – пока на десятки человек. Представители ДУМ регионов Северного Кавказа проходят обучение преимущественно в Сирии, Турции, Саудовской Аравии, Египте. Этот факт свидетельствует о значительном влиянии на конфессиональные системы региона внешних геополитических факторов. Хотя, например, в Дагестане в настоящее время действуют 2 исламских университета, 3 исламских центра, 7 исламских высших учебных заведений с 12 филиалами, 25 медресе и 650 школ и групп по обучению юношей и девушек основам ислама [1, 8]. Высшие исламские духовные образовательные учреждения действуют также при ДУМ Кабардино-Балкарии (Северокавказский исламский университет в Нальчике) [2, 5] и ДУМ Карачаево-Черкесии и Ставропольского края (Исламский институт имени Абу-Ханифа в Черкесии) [1].

Таким образом, можно говорить о наличии в регионах Северного Кавказа географически четко выраженного ареала, расположенного в восточной и центральной частях региона исследования и включающего территорию Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и в потенциале Чечни, где в силу ряда исторических, этнических и политических причин инфраструктура ислама не только гораздо более развита по сравнению с другими субъектами федерации, но и имеет другой, более высокий, качественный уровень. Четко обозначается наличие опорного каркаса исламской территориально-конфессиональной системы, сопровождаемого качественными изменениями как самой территории, так и модификационными изменениями ислама на ней. Важное значение имеет наличие религиозных учебных заведений, что приведет к увеличению числа служителей культа, придерживающихся традиционных для Северного Кавказа форм религии, что, в свою очередь, затруднит проникновение в регион наиболее фундаменталистских ее форм. На наш взгляд, еще рано говорить об исламе как о силе, способной внести вклад в более тесную интеграцию регионов Северного Кавказа, однако, потенциально подобное вероятно, но только в том случае, когда возникнет возможность более четкой организации единой инфраструктуры ислама в регионе.

ГИС-модель, отражающая территориальное распределение основных показателей исламской территориально-конфессиональной системы центральной части Северного Кавказа представлена на рисунке 1.

Анализ распределений позволяет выделить в пределах Карачаево-Черкесии два ядра концентрации, формирование которых имеет этническую основу. Выделение нескольких локальных центров в пределах Кабардино-Балкарии свидетельствует об относительно равномерном распределении исламской ТКС по территории республики. Значительный подъем эквипотенциальной поверхности при движении на восток свидетельствует о значительном превос-

Рисунок 1. Модель территориального распределения показателей исламской территориально-конфессиональной системы центральной части Северного Кавказа

ходстве количественных и качественных показателей развития исламской ТКС в Ингушетии, Чеченской республике и Дагестане по сравнению с регионами Центрального и Западного Кавказа. Локальные депрессии территориально совпадают с ареалами расселения этносов исторически не являющихся носителями исламской культурно-религиозной традиции.

Список использованной литературы:

1. Атлас современной религиозной жизни России: в 3 т., Т. 1. / Отв. ред. М.Бурдо, С.Филатов. – М.; СПб: «Летний сад», 2005. – 621 с.
2. Бабич И.Л. Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия / И.Л.Бабич, А.А.Ярлыканов; [Ред. Л.Т.Соловьева]. – М.: Изд-во Рос. гос. библиотеки, 2003. – 144 с.
3. Ислам у адыгов Северо-Западного Кавказа / Р.А.Ханаху, О.М.Цветков, С.Х.Мусхаджнев; Адыгейский гос. ун-т; Адыг. респ. ин-т. гуманит. исслед.; науч. ред. Р.Д.Хунагов. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2001. – 78 с.
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: в 14 т., Т. 4, кн.1. Национальный состав и владение языками. Гражданство / Российская Федерация; Федеральная служба гос. статистики. – Офиц. изд. – М.: Статистика России, 2004. – 945 с.
5. Каров А.Х. Религии и государственно-конфессиональные отношения в современной Кабардино-Балкарии (опыт, проблемы и пути решения) / А.Х.Каров. – Нальчик: Издат. центр «Эль-Фа», 2008. – 551 с.
6. Кисриев Э.Ф. Ислам и власть в Дагестане / Э.Ф.Кисриев. – М.: «ОГИ», 2004. – 224 с.
7. Малашенко А. В. Исламские ориентиры Северного Кавказа / А.В.Малашенко; Московский Центр Карнеги. – М.: «Гендальф», 2001. – 180 с.
8. Набиева У.Н. Культурная география Дагестана / У.Н.Набиева. – М.: Ин-

- ститут Наследия, 2002. – 210 с.
9. Современная религиозная жизнь России: Опыт систематического описания: в 3 т. Т. 3. / Отв. ред. М.Бурдо, С.Филатов. – М.: «Логос», 2005. – 426 с.

Индикативный анализ диффузий нововведений (на примере сетевых структур)

Столбова Анна (МГУ им. М.В.Ломоносова)

Региональная экспансия федеральных сетей находится в настоящее время в самой активной фазе. Рынки Москвы и Санкт-Петербурга (по большинству наиболее массовых категорий товаров) уже поделены между крупнейшими игроками и соответственно существенного роста прибыли компаний там не предвидится. С общероссийским же ростом доходов населения произошла трансформация потребительского спроса в очень многих городах, в том числе в малых. Данные о появлении сетевых магазинов всё в новых и в новых городах обновляются ежемесячно. Поэтому актуальность изучения территориальной экспансии торговых сетей в данный момент наиболее высока.

Таким образом, в ходе летней практики группой студентов нашей кафедры на примере различных сетевых структур (торговые сети, сети общественного питания, сети кинотеатров и др.) был проведён индикативный анализ диффузий нововведений по посещенным нами городам. Основными методами, которые применялись при изучении сетей, были: визуальные наблюдения при функциональном зонировании (наличие сетей), опрос местных жителей (наличие сетей, удовлетворённость ими), посещение сетевых магазинов с целью выяснения их формата, ценового уровня и прочих характеристик, беседы с персоналом (на стационарах). А также использование Интернет источников для сопоставления полученной нами информации с информацией представленной на официальных сайтах сетей. Основываясь на этих данных, автором была проведена обобщающая работа, целью которой было описание реального присутствия торговых сетей различных товарных категорий в исследуемых городах, проведение интегральной оценки интенсивности освоения городов торговыми сетями и выявление основных и дополнительных факторов, влияющих на появление сетевых магазинов в городах. Сразу стоит отметить достоинства и недостатки, используемой нами методики.

Достоинства:

1. Можно сравнить увиденное своими глазами и официальные данные компаний,
2. В одном исследовании можно посмотреть сразу разные типы городов (от агломераций до малого города)
3. Рассмотрены разные типы сетевых структур (не только торговые, но и развлекательные).

Недостатки:

1. Стихийная выборка городов, как следствие неточности интерпретации.
2. Недостаток статистических данных по малым городам и местной торговле.

Итак, торговые сети – типичная инновация, находящаяся на данный момент между стадией распространения и господства (классификация Яковенко: этап рождения инновации, практическое изобретение, нововведение, распространение, господство, сокращение масштабов применения инновации). Зависит

Список использованной литературы:

- [1] Законы о федеральном бюджете на 2000-2010 гг.
- [2] «Методика распределения дотаций из Федерального фонда финансовой поддержки субъектов Российской Федерации» (Утверждена постановлением Правительства РФ от 22 ноября 2004 г. №670)
- [3] Регионы России. Социально-экономические показатели – 2006 (2007) // Ст. сбор. – Росстат
- [4] <http://www.gks.ru/>
- [5] <http://www1.minfin.ru/>
- [6] <http://fcp.vpk.ru/>
- [7] <http://faip.vpk.ru/>

Оценка уровня развития религиозной инфраструктуры православия в регионах Северо-Западного Кавказа

Музалев Антон (СПбГУ)

Религиозная инфраструктура в работах по конфессиональной географии.

В работах Ю.А.Веденина [1] в состав культурного ландшафта включаются объекты материальной и духовной культуры, относящиеся к культурному (антропогенному) слою культурного ландшафта. По мнению автора: «Для культурного ландшафта роль материальной культуры особенно значительна, поскольку именно через нее в первую очередь формируется внешний облик ландшафта, определяются культурный потенциал населения, его отношение к новационным процессам и традициям». Объекты религиозной инфраструктуры, безусловно, выступают в качестве значимых маркировочных черт, определяющих перцептивные свойства конкретного ландшафта. Они часто выступают в качестве объектов культурного наследия, неразрывно связанного с культурным ландшафтом.

В работах С.Г.Сафронова [2, 3] религиозная инфраструктура не выступает в качестве отдельного объекта исследования. Анализ развития и функционирования инфраструктуры включен в оценку динамических изменений конфессиональных структур различного ранга. Инфраструктура не составляет единой подсистемы материальной составляющей конфессий, а включается в различные слои религиозной подсистемы культурного ландшафта. Например, монастыри, как религиозные центры относятся к «базису», под «видами деятельности (религиозных организаций и верующих)» понимаются религиозная культовая (богослужения, паломничество и т.д.) и некультовая (образование, катехизация и т.д.) деятельность, но при этом не освящается материальная основа этой деятельности. Сакральные объекты относятся к слою «символики», связанному с религиозным «наследием» религиозной подсистемы.

В работе И.Ю.Филимоновой [4] объекты инфраструктуры, наряду с сакральными объектами, рассматриваются как основа религиозного ландшафта, который является элементом культурного ландшафта и вместе с носителями веры и культурных традиций образует геотерриториальную систему (ГЭКС). Динамическое взаимодействие ГЭКС формирует конфессиональное пространство, понимаемое как форма существования конфессиональных объектов и явлений в пределах географической оболочки. К объектам инфраструктуры в данном случае относятся культовые объекты, религиозные кладбища, религиозные образовательные учреждения.

В других работах [5, 6], посвященных конфессиональной географии, объекты религиозной инфраструктуры не рассматриваются, а основное внимание

уделялось вопросам территориальной организации первичных религиозных организаций или конфессиональному составу населения.

Авторское видение понятия «религиозная инфраструктура» и его место в исследованиях по конфессиональной географии.

Считаем, что исследования в области географии религиозных конфессий должны отвечать как минимум на ряд нижеприведенных вопросов:

- каков генезис и историко-географические особенности формирования конфессиональной системы на определенной территории;
- какова этническая основа функционирования конфессиональной системы на той или иной территории;
- каково современное состояние конфессиональной системы территории (религиозная инфраструктура, этноконфессиональные взаимодействия, факторы влияния и т.д.);
- каковы перспективы функционирования конфессиональной системы территории.

Комплексный характер требований к исследованию должен иметь адекватный ответ, в виде работ носящих комплексный характер и имеющих комплексный объект исследования. Поэтому считаем логичным, определить объектом региональных исследований по географии религии – «территориально-конфессиональную систему (ТКС)», т.е. систему взаимодействующих и взаимовлияющих религиозных конфессий, функционирующих на определенной территории и связанных с ее социальным субстратом.

Рассматривая религиозные конфессии, функционирующие в пределах региона, как ТКС, считаем необходимым, выделять в них наиболее «географичные» компоненты, которые могут иметь определенную территориальную приуроченность, характеризовать прочие элементы социального ландшафта, являться организующей и преобразующей силой социокультурной динамики населения определенной территории. К ним, считаем возможным отнести: *религиозные институты и их последователей, религиозную инфраструктуру – материальную базу отправления культа, территориальные особенности религиозного культа, а также религиозные ценности*, как один из важных рубежных компонентов территориальных этноконфессиональных систем.

В общепринятом определении [8], понятие «инфраструктура» включает в себя комплекс хозяйственных и культурных объектов и отраслей, обслуживающих производственную и иную деятельность человека, составляющих его подоснову. Инфраструктуру принято делить на собственно производственную и социальную. Последняя включает сферу обслуживания, здравоохранения, образования, культуры и т.п. – все сооружения, учреждения, сети, организации, составляющие материальную основу формирования социальной среды жизни человека. А поскольку, на современном этапе наблюдается пик развития одной из главных составляющих культуры этносов и, следовательно, их социальной среды – религии, считаем уместным, использовать понятие «религиозная инфраструктура» [9].

Следуя содержанию определения понятия «инфраструктура», составными компонентами религиозной инфраструктуры считаем: культовые здания и сооружения (мечети, соборы, буддийские храмы, часовни, моленные дома и т.п.), религиозные образовательные учреждения (медресе, семинарии, воскресные школы и т.п.), официально зарегистрированные религиозные организации низового звена (приходы, джамааты, общины и т.п.), религиозные центры (монастыри, дацаны и т.п.), сакральные объекты (святые источники, священные рощи и другие природные и антропогенные объекты). В качестве дополнительной характеристики уровня развития инфраструктуры, считаем возможным рас-

смагивать служителей культа (священников, мулл, лам, пресвитеров и др.) и уровень их «профессиональной подготовки». К качественным характеристикам «религиозной инфраструктуры» относим: количество культовых сооружений на 100 (1000) верующих - интенсивность, плотность культовых сооружений (на 100 км²), количество религиозных образовательных центров, количество первичных религиозных организаций, количество служителей культа на 100 (1000) верующих и т.д.

Религиозная инфраструктура является наиболее показательным компонентом религиозной геосистемы. Так как, именно на основе оценки ее качественных и количественных характеристик, а также территориального размещения, возможен анализ текущего состояния и перспектив развития всей геосистемы. Кроме прочего, религиозная инфраструктура является объектом исключительно географической науки, так как другие компоненты «религиозной геосистемы» относятся скорее к сферам социологии, философии и религиоведения.

Опыт региональной оценки уровня развития религиозной инфраструктуры.

Оценивая общие закономерности размещения религиозной инфраструктуры по населенным пунктам рассматриваемого региона, необходимо выделить ряд общих «маркировочных» черт. По своему административному значению эти населенные пункты являются либо районными центрами, либо центрами сельских округов, а в административных центрах субъектов федерации представлены культовые сооружения практически всех конфессий функционирующих в регионе. Однако, проверка данного факта правилом «ранг-размер» (правило Д. Ципфа) не выявила прямой корреляционной зависимости. Численность населения в этих поселениях различна, но, как правило, составляет не менее 1000 человек. Однако для размещения мечетей указанный признак не является определяющим, так как их строительство ведется даже в поселениях с численностью 205 чел. [10,11]. Поселения с культовыми сооружениями определенной конфессии, как правило, имеют однородный состав населения с преобладающей конфессиональной ориентацией. Соотнося, основные районы размещения инфраструктуры религиозных геосистем определенных конфессий, с этнической картой исследуемого региона, можно выявить прямую корреляционную зависимость: культовые сооружения размещены в районах компактного проживания этнических групп с соответствующей конфессиональной ориентацией.

Инфраструктура РПЦ в регионах Северо-Западного Кавказа.

Наиболее доступной является информация о количестве религиозных объединений и религиозных групп. Так, из четырех субъектов федерации, входящих в состав рассматриваемого региона наибольшее число православных религиозных общин отмечается в Краснодарском крае (367), на втором месте Республика Адыгея (54), и далее следуют Кабардино-Балкария (24) и Карачаево-Черкессия (19). Институционно эти приходы объединены в благочиния трех епархий РПЦ МП: Кубанскую и Екатеринодарскую, Майкопскую и Адыгейскую, Кабардино-Балкарское и Карачаево-Черкесское благочиния Ставропольской и Владикавказской епархий. Однако, показатели числа религиозных общин и культовых сооружений, принадлежащих им, очень сильно различаются в зависимости от региона. Зачастую, приход не имеет здания церкви или использует для целей богослужения приспособленные помещения, рассчитывая в будущем построить свой храм. Наиболее характерна данная ситуация для приходов Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии, в меньшей степени для Адыгеи и Краснодарского края.

Внутрирегиональная дифференциация в размещении религиозных общин обусловлена сложившейся системой расселения, ее исторической прием-

ственностью и распределением населения. Показатели плотности (на 100 км²) и интенсивности (на 1000 чел.) религиозной инфраструктуры православия значительно различаются по административным районам. По показателям плотности очень сильно выделяются районы с высокой численностью населения, крупные города и территории подчиненные их администрации. В абсолютных величинах первенство принадлежит крупным городам: Краснодар и административная территория (29), Большой Сочи (27), Туапсе и административная территория (12), Анапа и административная территория (11), Майкоп и административная территория (10); а также сельским районам: Мостовской (14), Апшеронский (13), Майкопский (РА) (13), Темрюкский (12), Отраденский (11), Прохладненский (КБР) (9). Максимальный показатель плотности инфраструктуры в г. Краснодаре (3,45/100км²), г. Майкопе (3,23/100км²), г. Анапе (1,12/100км²) и г. Сочи (0,77/100км²) и предгорных районах Закубанья (Апшеронский, Мостовской, Отраденский).

Показатель интенсивности религиозной инфраструктуры РПЦ в регионе, характеризующий охват населения религиозными структурами, наибольший в степных районах Прикубанья (Красноармейский, Кореновский, Новокубанский), предгорных районах Закубанья (Мостовской, Отраденский, Апшеронский), Майкопский (РА), Прохладненский (КБР), Прикубанский (КЧР), Урупский (КЧР). Наименьшие показатели характерны для горных районов Карачаево-Черкессии и Кабардино-Балкарии, а также северных степных районов Адыгеи. В Краснодарском крае наименьшие показатели характерны для северных и северо-восточных административных районов.

За период второй половины XIX в. - начала XX в. на территории Северо-Западного Кавказа было основано 7 монастырей и 5 монастырских подворий: Марии-Магдалинская женская пустынь в ст. Роговская - 1848 г. (Кр.кр.), Свято-Михайло-Афонская Закубанская общежительная мужская пустынь - 1877 г. (РА), Александро-Афонская Зеленчукская мужская общежительная пустынь в ст. Зеленчукской - 1889 г. (КЧР), женский монастырь в ст. Баталпашинской (г. Черкесск) - 1893 г. (КЧР), Покровский женский монастырь в ст. Кавказской - 1894. (Кр.кр.), Покровский женский монастырь в ст. Динской - 1899 г. (Кр.кр.), Свято-Троицкий мужской монастырь в г. Туапсе - 1902 г. (Кр.кр.); в городах Екатеринодаре (Кр.кр.) и Майкопе (РА) в 1895 и 1880 гг. (соответственно) основаны подворья Михайло-Афонской Закубанской пустыни; в 1896 г. в г. Армавиере основано подворье Николаевского Кавказского монастыря (Кр.кр.); в ст. Гулькевичи существовал Покровский скит при Александро-Афонской пустыни (Кр.кр.); в 1907 г. в г. Нальчике была основана Серафимовская община (КБР).

На Северном Кавказе монастыри выполняли, в широком смысле слова, общественно-политическую функцию. Можно выделить несколько функций, которые выполняли монастыри в регионе:

- утверждение и распространение государственной религии во вновь присоединенных к империи регионах требовало создания монастырей как опорных пунктов христианизации. Решались миссионерские задачи двух типов: распространение православия среди горских народов и противостояние иным вероисповеданиям, в первую очередь раскольническим и протестантским, в среде казачества и переселенческого населения.

- монастыри активно занимались хозяйственной деятельностью, что влияло на экономику региона. Монастыри становились примерами образцовых хозяйств.

- социальное служение. При монастырях открывались больницы, школы, детские приюты. Роль пристанища для пожилых и обездоленных монастыри выполняли всегда. Но особенно широкое распространение такие, в первую оче-

редь женские, обители получили во второй половине XIX в. В числе насельниц и насельников было немало вдов (казачек), потерявших мужей в войнах, которые вела империя, инвалидов, отставных военных, разорившихся купцов и разночинцев.

В настоящее время на территории Северо-Западного Кавказа действуют 9 монастырей: Свято-Духов мужской монастырь в г. Тимашевске (Кр.кр.), Мужской монастырь «Крестовая пустынь» в п. Солох-Аул (Большой Сочи) (Кр.кр.), Свято-Михайло-Афонская Закубанская общежительная мужская пустынь в п. Победа (РА), Зеленчукский Свято-Алекса́ндро-Невский Новоафонский мужской монастырь в п. Архыз (КЧР), Кореновский Успенский женский монастырь в г. Кореновск (Кр.кр.), Роговской Марии-Магдалинский женский монастырь в ст. Роговской (Кр.кр.), Женский монастырь в честь иконы Божией Матери «Нерушимая стена» в г. Апшеронск (Кр.кр.), Троице-Геогриевский женский монастырь в с. Лесное (Большой Сочи) (Кр.кр.), Свято-Троицкий женский монастырь в с. Совхозное Зольского р-на (КБР).

Вновь формирующаяся система православных монастырей в регионе, с одной стороны, генетически связана с сетью дореволюционных обителей, с другой, процесс возрождения определяется факторами, отражающими современное состояние церкви и общества. Можно выделить несколько факторов, являющихся определяющими в деле восстановления или основания новых монастырей:

- *«Социальный запрос».* Увеличению числа женских монастырей способствует преобладание женщин старших возрастов и проблема женской занятости. В то же время мужчины имеют перспективы церковной карьеры, одна из ступеней которой - монашеский постриг.

- *Епархиальный статус.* Монастыри - их число, количество насельников, архитектурные ансамбли - в значительной степени определяют «престиж» епархии.

- *Духовное образование и подготовка церковных кадров.* Некоторые монастыри известны своими имеющими богатую историю духовными школами. Опыт и административные навыки приобретаются многими кандидатами на должности в епархиях РПЦ в монастырях.

- *Исторические заслуги.* 3 из 9 монастырей действующих в регионе имеют дореволюционные корни. Заметная роль в истории становления церкви в регионе - важный аргумент в пользу восстановления обители. Например, Марии - Магдалинский женский монастырь в ст. Роговской Краснодарского края - один из старейших монастырей Северного Кавказа.

- *Сохранность монастырских построек.* Восстановление монастыря значительно ускоряется сохранностью хотя бы части его строений, примером может послужить мужской монастырь в Адыгее.

Религиозное образование - вид внекультовой религиозной деятельности, непосредственно связанный с воспроизводством религиозного культа, его можно отнести к числу основных. Исторически сложилось разделение системы религиозного образования на две составляющие: духовное (или богословское), обеспечивающее подготовку священнослужителей, и религиозное образование для мирян, призванное воцерковлять всех граждан, стремящихся к православной вере. К настоящему моменту четко оформилась первая учебная вертикаль - духовные училища, семинарии, академии. Она почти полностью находится под контролем церкви. Вторая - воскресные и церковно-приходские школы, детские сады, гимназии, лицеи, курсы, высшие православные учебные заведения, не занятые подготовкой пастырей и церковнослужителей, - пока находится в стадии становления.

Инфраструктура религиозного образования как первого, так и второго ти-

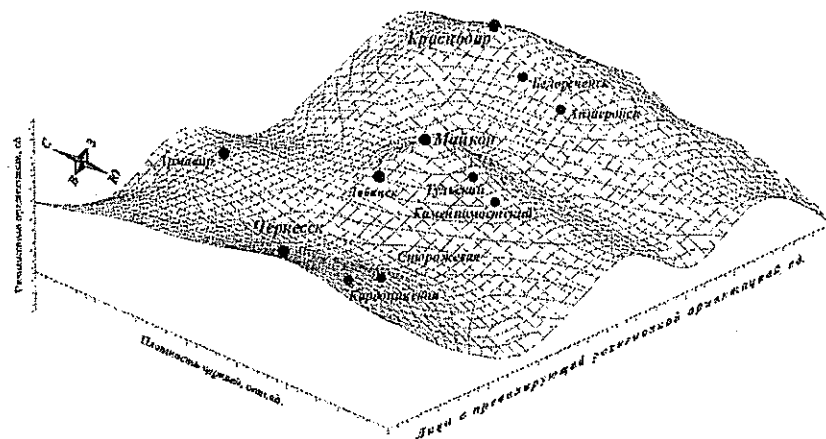
пов в регионе развита достаточно слабо. Духовных образовательных учреждений для подготовки священнослужителей в рассматриваемом регионе нет, вопрос образования будущих священников решается епархиальными архидиакониями. Как правило, студенты направляются в Ставропольскую духовную семинарию, либо семинарии в Центральной России. Имеются только учебные заведения, дающие первоначальное духовное образование: Пастырские семинарские курсы для священнослужителей и кандидатов в священство в Апшеронске, Православно-социальный институт в Армавире, филиал Свято-Тихоновского богословского института в Краснодаре. Выпускники этих учебных заведений в некоторой степени решают проблему нехватки священников, диаконов, хоровых регентов. Более развита сеть религиозных образовательных учреждений для мирян: православные гимназии и лицеи (Краснодар (2), Майкоп, Черкесск), православные казачьи корпуса и школы (Краснодар (2), Хадзьженск). В качестве эксперимента преподавание богословских дисциплин вводилось в Кубанском и Адыгейском государственных университетах, но опыт оказался неудачным. Воскресные школы имеются во всех регионах в количестве от 15 до 25, но их востребованность, после всплеска середины 1990-х гг., падает.

В качестве значимых паломнических центров Северо-Западного Кавказа выступают монастыри, а также историко-архитектурный заповедник в п. Архыз Карачаево-Черкессии. Мало кому в России известно, что на территории Карачаево-Черкесской республики находятся пять древних храмов, которые относятся к VIII-XI вв. н.э., т.е. это древнейшие действующие христианские храмы на территории страны. Архыз был центром одной из древнейших в России Аланской епархии, действовавшей на территории Северо-Западного Кавказа в X-XVII вв. В 2000 г. недалеко от пос. Архыз на склоне хребта Мицешта рядом с гордищем было обнаружено древнее наскальное изображение Иисуса Христа, написанное природными красками, и раннехристианский некрополь. Такая скальная иконопись очень схожа с изображением известной Туринской плащаницы, редка, принадлежит к иконографическому типу «Спас Нерукотворный образ». Скала, где найдена икона Христа, обращена на восток - к Южному (Ильинскому) храму, древнейшему действующему христианскому храму России.

Столь широкий набор показателей, характеризующих уровень развития религиозных геосистем регионов Северо-Западного Кавказа требует определенной систематизации и выявления пространственных особенностей распределения. Опыт построения ГИС-моделей, отражающих территориальное распределение основных показателей православной территориально-конфессиональной системы западной части Северного Кавказа представлен на рисунке 1. Модель построена на основе данных о количестве религиозных организаций, плотности культовых объектов и доли лиц с преобладающей религиозной организацией в общей структуре населения региона, территориальная локализация параметров рассчитана на основе координатной привязки крупнейших населенных пунктов. Неполнота территориального охвата территории Северо-Западного Кавказа обусловлена недостаточностью ряда координатных и статистических данных по православной религиозной системе региона.

Из модели следует, что максимальные интегральные значения совокупности показателей локализованы в центрах епархий РПЦ, а также приурочены к межгорным котловинам и долинам крупных рек - основным ареалам расселения в горных и горно-предгорных районах, распределение минимальных значений в регионе соответствует слабозаселенным территориям, соответствующим основным орографическим объектам субмеридиального простирания. Субириотные депрессии соответствуют ареалам расселения этнических групп с неправославной конфессиональной ориентацией.

Рисунок 1. Модель территориального распределения показателей православной религиозной геосистемы западной части Северного Кавказа

Список использованной литературы:

- [1] Веденин Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучение // Известия АН СССР. Серия Географическая. – 1990. – № 1. – С. 5-17.
- [2] Сафронов С.Г. Географические аспекты изучения религиозной сферы России: Автореф. дис...канд. геогр. наук /С. Г. Сафронов. – М., 1998. – 27 с.
- [3] Сафронов С.Г. Русская православная церковь в конце XX века: территориальный аспект /С.Г.Сафронов. М.: Московский центр Карнеги, 2001. – 99 с.
- [4] Филимонова И.Ю. Структура и развитие конфессионального пространства Оренбургской области: Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук /И.Ю.Филимонова. – Оренбург, 2006. – 18 с.
- [5] Криндач А.Д. Конфессиональное пространство современной России // Известия АН. Серия Географическая. – 1996. № 4. – М.: «Наука», 1996. – С. 78-87.
- [6] Пучков П.И. Современная география религий: монография /П.И.Пучков. – М., 1991. – 214 с.
- [7] Сочава В. Б. Введение в учение о геосистемах / В.Б.Сочава. – Новосибирск: «Наука», 1978. – 197 с.
- [8] Новая Российская Энциклопедия в 12 т. / Ред. колл.: А.Д.Некипелов, В.И.Данилов-Данильян, В.М.Карев и др. – М.: ООО «Издательство «Энциклопедия», 2004 – Т. 1: «Россия». – 2004. – 960 с.
- [9] Ранее термин использовался в работах: Дружинин А.Г. Южно-Российский регионогенез: факторы, тенденции, этапы / А.Г.Дружинин // Научная мысль Кавказа.– Ростов н/Д, 2000.№ 2. и Шоров М.А. Ислам на Юге России: геокультурологический аспект: Автореф. дис... канд. геогр. наук /М.А.Шоров. – Ростов н/Д, 2001. – 22 с.
- [10] Ислам на Юге России: геокультурологический аспект: Автореф. дис... канд. геогр. наук / М.А.Шоров. – Ростов н/Д, 2001. – 31 с., но без теоретических обоснований и в несколько ином контексте.
- [11] Бабич И.Л. Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия /И.Л.Бабич, А.А.Ярлыкапов; [Ред. Л. Т. Соловьева]. – М.: Изд-во Рос. гос. библиотеки, 2003. – 144 с.

Территориально-политические системы Республики Молдова

Малишин Петр, Амбурцев Роман (СПбГУ)

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 09-03-00833 а/Р.

Результатом динамики политических, социально-экономических и социально-культурных процессов последних десятилетий стало радикальное изменение иерархии геополитических и экономических приоритетов реализуемых государственным элитам бывших республик СССР и направленных на дезинтеграцию ранее единого историко-культурного, экономического и политического пространства. Хотя формально республиканские власти стремились сохранить единое поле для взаимодействия, переведя его на качественно иной уровень, результатом чего стало подписание Соглашения о создании Содружества независимых Государств (СНГ) от 8 декабря 1991 между главами РСФСР, БССР, УССР. Позднее, 21 декабря 1991 года в Алма-Ате главы одиннадцати суверенных государств (кроме прибалтийских государств и Грузии, которая стала членом СНГ в 1993 году) подписали Протокол к этому Соглашению.

Максимальная дистанцированность и изоляция от влияния бывшей «метрополии» рассматривалась большинством руководителей как единственное возможный путь построения национального и суверенного государства, данная тенденция сохраняется и в наши дни. Методика реализации национальной политики выработалась ещё в ходе последних лет существования СССР на фоне обострения идеологического кризиса и социально-экономических проблем, которая заключалась в последовательном и комплексном выдавливании русской культуры, русского языка и трансформации трактовок исторического прошлого (создание исторических мифов) в соответствии со спецификой проводимой национальной политики. Также прослеживалось стремление лидеров независимых государств максимально нивелировать региональные различия в рамках каждой отдельно взятой республики, как вариант сохранения территориальной целостности. Это способствовало обострению внутренних противоречий и проявлению центробежных устремлений ряда регионов и, как следствие, возникновение устойчивых региональных конфликтов. Наиболее яркие результаты подобной политики на постсоветском пространстве мы можем проследить на примере Грузии, как завершённый этап острого внутривнутриполитического противостояния. История региональных конфликтов тесно связана со зрелостью территориально-политических систем (региональной спецификой) и степени проникновения идей регионализма на каждой конкретной территории (как ответная реакция систем на агрессивную политику центральных властей), а также фактором поддержки извне.

Территория Молдавской ССР также в значительной степени была неоднородна по уровню социально-экономического развития регионов и этнического составу ряда территорий, что являлось следствием создания Молдавской Советской Социалистической Республики из полигенных территориальных образований. Исторически сложившаяся цивилизационная разобщённость территорий составлявших МССР лишь усилилась по мере ослабления центральной власти в СССР. Закон № 3465 от 01.09.1989 «О функционировании языков на территории Молдавской ССР» стал первой победой партии «Народный фронт» (Христианско-демократический народный фронт). «Народный фронт» как радикальная националистическая организация выступал за присоединение страны к Румынии («Великая Румыния»), противодействие чему и послужило стимулом к консолидации населения отдельных регионов страны и последующим конфликтным ситуациям. «Родственное государство» (Румыния) претендовало

Научное издание
Теория и практика географической конфликтологии

Сборник статей по материалам IV, V и VI международных семинаров
молодых ученых «Теория и практика географической конфликтологии»

Компьютерная верстка и оригинал-макет Гизатуллина Э.Г.

Факультет географии и геоэкологии
Санкт-Петербургского государственного университета
199178, Санкт-Петербург, 10 линия 33/35

Подписано в печать 14.07.09. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,04
Тираж 100 экз. Заказ 494

Типография издательства СПбГУ.
199061 СПб, Средний пр. 41